Т.А. Кайманова
Научный сотрудник
Литературного музея
(г. Пенза)

Новые архивные материалы в формировании образа А.И. Куприна.

«Врут, как зеленые лошади», – так по одному из любимых присловий А.И. Куприна названа новая книга, включившая воспоминания, документы, письма (сост. и автор предисловия и комментариев Т.А. Кайманова, Пенза, 2020).

Куприн нередко после пережитых невзгод, нападок журналистов и критиков, всевозможных сплетен жаловался: «Репортеры врут, как зеленые лошади».

В воспоминаниях-некрологах не всегда пишут о любви. Отклик И.А. Бунина на кончину старого друга даже В.Ф. Ходасевичу, относившегося к Куприну снисходительно-иронически, показался «суровым приговором». Мемуары Бунина сыграли не последнюю роль в формировании мифов о Куприне как некультурном, необразованном писателе. Мы не отказались от воспоминаний С.Н. Сергеева-Ценского, написанных с нескрываемой насмешкой и пренебрежением бывшего «венского» дьявола, под старость ставшего монахом-моралистом. Ядовитым превосходством сверхчеловека и красавца-самца веет от его описания неказистой, «коротенькой» фигуры Куприна; подоплеку же неприязни раскрывает К.И. Чуковский, обратившийся к первой жене Куприна Марии Карловне: «…я понимаю, почему из-за Вас “погибали” такие разные люди, как Батюшков и Сергеев-Ценский». Оскорбительны по своей сути «воспоминания» В.Н. Унковского и статья Б.А. Садовского. Чуть позже писатель-генерал П.Н. Краснов, чьи письма-воспоминания до последнего времени были недоступны читателю,

высказал возмущение мемуарными записками современников: «…возмутило и то, что писали о Куприне его друзья и собутыльники, и даже Бунин, не удержавшийся от того, чтобы в «Современных записках» жестоко не раскритиковать того, кто был при жизни его самым крупным конкурентом» (из письма П.Н. Краснова к И.В. Амфитеатровой от 23 марта 1940 г.)

О Куприне оставили мемуарные произведения, размышления разные люди, знавшие русского классика при жизни – влюбленные, восхищенные и завидовавшие, сказавшие и злобное слово, и откровенную ложь, а иногда неумную выдумку. «В Париже видели слабую тень того, чем был когда-то неистовый Куприн, который оглушал своими выходками и про которого рассказывали так много выдумок, чем следовало бы».

Все эти разноголосые воспоминания о человеке и создают некий историко-литературный стереоэффект.

Всего воспоминаний о Куприне написано сравнительно немного (мемуары о Л.Н. Толстом исчисляются сотнями). Известно более пятидесяти мемуарных произведений, авторы которых вспоминали о своем общении с Куприным. Некоторые из них по литературным достоинствам или по богатству содержания в них фактов не имеют себе равных в купринской мемуаристике – это относится к книгам М.К. Куприной-Иорданской «Годы молодости» и К.А. Куприной «Куприн – мой отец». Купринскую мемуаристику дополнили воспоминания друзей и современников, запечатлевшие отдельные эпизоды и периоды жизни (Е.М. Аспиз «Куприн в Балаклаве» (1959) и «С А.И. Куприным в Даниловском» (1959).

За прошедшие годы нами выявлено много новых ценных источников. Впервые вводятся в научный оборот мемуарные материалы, документы и письма, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фондах Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области (ОГЛММ), вводятся тексты, затерянные в малодоступных изданиях как дореволюционной, так и эмигрантской прессы. Отметим впервые публикуемые воспоминания Эсфири

Гликман, Эдды Медведовской и др.; письма Б.В. Савинкова, А.В. Карташева, А.М. Ремизова, П.Н. Краснова – писателя-генерала, не подлежащего реабилитации, в которых отдельные фрагменты представляют собой воспоминания о встречах в Гатчине в 1919 г.

В статьях современников о Куприне нас ждали неожиданные находки и открытия. Так, М.А. Осоргин в отзыве на книгу Куприна «Елань» цитирует заключительные строки рассказа «Московский снег», снятые в первой советской публикации купринского рассказа по причине обвинения Куприным большевиков – «черт бы их подрал» – лишивших русских эмигрантов родины, старой России: «Самую прелестную в своих дарах страну вдруг оглушили, ударили, оплевали…» Солидный абзац рассказа так никогда потом вновь не появился в собрании сочинений, потерялся и никому не был известен, если только читатель не держал в руках музейный раритет издания 1929 г.

Отметим воспоминания, положившие начало мемуарной купринистике еще **при жизни классика**. К мемуарной литературе принадлежат дневники К.И. Чуковского и директора Императорских театров В.А. Теляковского, дневник Ф.Ф. Фидлера «Из мира литераторов: Характеры и суждения», изданный в серии «Россия в мемуарах» (М.: НЛО., 2008).

При жизни писателя, к его творческому юбилею, в газете «Эхо» (Каунас, 1924, № 344, 20 декабря) давний друг-журналист Аркадий Бухов опубликовал свои записки «Александр Иванович» под заголовком «фельетон» – о встречах с ним в России. Это колоритные зарисовки Куприна на скачках, в цирке, в общении с людьми. Автор создал обаятельный образ увлеченного, жизнерадостного, необычайно скромного, «самобытного, умного, но глубоко путанного и причудливого человека».

Сосед по Гатчине Владимир Гущик в своей книге «Тайны Гатчинского дворца» (Рига, 1927) рассказал интригующий эпизод об участии Куприна в 1918 г. в сожжении царских писем (подтверждение находим в

документальной повести Куприна «Купол св. Исаакия Далматского» - Куприн об этом обмолвился мимоходом).

Куприну посвящен фрагмент мемуарной книги «Нетленный венок» (Белград, 1936. Сост. М. Кожина-Заборовская), в которой собраны воспоминания о сербском короле Александре и приводится рассказ Е. Жукова о встрече коронованной особы с русским писателем-эмигрантом в Белграде в 1928 г.

К прижизненным очеркам мемуарного плана сегодня можно отнести беседы с писателем журналистов русского зарубежья А. Владина «Как живет и работает Куприн» (Иллюстрированная Россия. 1926, №4) и Н.Д. Городецкой «В гостях у Куприна» (Возрождение, 1930, 16 декабря). Все эти зарисовки обнаруживают еще не развернутые, беглые суждения о жизни и творчестве классика.

Известие о смерти А.И. Куприна в 1938 г. вызвало всплеск откликов у представителей эмиграции, знавших писателя.

Весь номер парижского журнала «Иллюстрированная Россия» от 10 сентября 1938 г. был посвящен Куприну. Номер вобрал и анекдотический рассказ С. Рогова «Как Шаляпин “отпевал” Куприна. Из воспоминаний юности» также воскрешал эпизод из жизни Александра Ивановича в пору его литературной славы в России; записки полковника А. Брагина «В ставке, в 1917 году… Как А.И. Куприн редактировал “Известия” штаба Верховного главнокомандующего» открывали неизвестный период биографии писателя между Февральской и Октябрьской революциями.

Большую ценность представляют воспоминания тех, кто тесно общался с Куприным на протяжении долгих лет. Николай Рощин, познакомившийся с классиком в Париже в 1924 г. и друживший с ним до самого отъезда Куприна в Россию, в мемуарах «Мой Куприн» создал образ человека простого, домашнего, каким знал его автор, нашедший поддержку в семействе Куприных.

Воспоминаниями о дорогом друге откликнулась Н.А. Тэффи, назвав их интимно «Александр Иванович» (Последние новости. 1938, 11 сент.). Тесное общение с Куприным, встречи и переписка, искреннее соучастие и понимание сложной натуры «пестрого» человека придают мемуарам и письмам Тэффи достоверный характер. Драгоценны ее суждения о причинах возвращения Куприна на родину.

В конце 1950-х – нач. 1960-х гг. купринскую мемуаристику пополнили воспоминания Юрия Григоркова «А.И. Куприн (Мои воспоминания)», посвященные малоизвестному периоду эмигрантской жизни писателя в Гельсингфорсе и его сотрудничеству в газете «Новая русская жизнь»; Записки Лидии Арсеньевой «О Куприне», в которых она изложила историю своих встреч и бесед с Александром Ивановичем; воспоминания баронессы Людмилы Врангель, урожденной Елпатьевской; зарисовки Евгения Хохлова «Парижские годы Куприна» и «Последняя любовь Куприна» – также формировали литературный портрет и вносили малоизвестные факты в биографию, добавляя выразительные детали к образу писателя.

Впервые мы делаем доступными немногословные Эсфири Моисеевны Гликман, извлеченные из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. Эсфирь Гликман просто и сухо изложила историю своего знакомства с Александром Ивановичем в 1930 г. во Франции, в Бурбон-Лансу. Как развивался «курортный роман» дальше, можно проследить по также впервые публикуемым письмам стареющего Куприна, адресованным «милой, ненаглядной, прекрасной, ангельски чистой и доброй Эсфири Моисеевне» с признанием: «…полюбил искренне настоящей любовью, которая ничего не ищет, ничего не требует… всегда счастливый Вашим счастьем».

Не все периоды и не все стороны жизни Куприна освещены в мемуаристике с одинаковой полнотой. Но ранний период восполнен воспоминаниями его племянника Георгия Ивановича Можарова, сына старшей сестры писателя Софьи Ивановны. Он воскрешает в памяти приезды

Александра Ивановича в их семейство в 1895-1896, создает образ силача и гимнаста, отличающегося жизнерадостностью.

Жизнь в Житомире 1909 г. у другой сестры, Зинаиды Ивановны Нат, восстанавливает в своих бесхитростных воспоминаниях «Мой дядя Александр Куприн» племянница писателя Софья Станиславовна Оржеховская-Нат.

Впервые мы публикуем мемуары Эдды Медведовской, хранящиеся в фондах ОГЛММ. Недооцененные ранее некоторыми литературоведами ее воспоминания «Еще одна страница – последняя» отличаются личностным началом, рассказывают о людях, близких к Куприну – она работала вместе с первой женой писателя Марией Карловной и зафиксировала ее образ в последние годы жизни. В повествовании Э.С. Медведовской проступает образ уже состарившегося В.А. Регинина, которого в куприниcтике воспринимают только молодым репортером «Васькой Раппопортом», но в рассказе Эдды, восторженно смотрящей на умудренного жизнью и опытом старого журналиста, предстает совсем другой Регинин – элегантный, молчаливый, строгий мэтр, острого слова и замечаний которого боялись в редакции. Она развеяла мифы о Маныче, вошедшего в куприноведение только в негативном блеске «манычара», «пьяницы и босяка», «афериста с бандитским уклоном». Петр Дмитриевич в воспоминаниях Медведовской (конечно, со слов ее мужа Н.К. Вержбицкого) приобретает привлекательные черты деятельной натуры: организатор издания собрания сочинений Куприна, фотосессии Куприна и Шаляпина, провинциальной печати в г. Сердобске, северной экспедиции Г. Седова и пр. Зафиксированные Медведовской мелочи позволяют устранить путаницу (встреча А.И. Катуна с Куприным происходила не на Белорусском вокзале, а уже в Ленинграде), неточности, неправильную атрибуцию фотографий. Так цепкий взгляд журналистки в описании внешности А.А. Белогруд оказался решающим в атрибуции известной фотографии, под которой всегда в литературе о Куприне указывалось «А.И. Куприн, Е.М. Куприна, А.А. Белогруд. Гатчина.

1938». Но маленькая, худенькая, тщедушная женщина, которую на фото именовали Белогруд, никак не походила на Александру Александровну – «большую, дородную, в пенсне», с начальственными повадками и уверенностью. Описание, сделанное Медведовской, подтолкнуло к дальнейшим поискам, и в фондах музея архитектуры им. А.В. Щусева была обнаружена фотография той самой «крупной, дородной, в пенсне», что и подтвердило нашу догадку. Медведовская встречалась с лечащим врачом Куприна, услышала из первых уст, как мужественно, несмотря на страшные боли, держался в последние дни старый писатель. По рассказам сотрудников, работавших вместе с Елизаветой Морицевной Куприной, журналистка восстановила события последних трагических дней жизни жены писателя.

В куприниcтике можно условно выделить «женскую» мемуаристику, она представлена записками Л. Арсеньевой, Т. Алексинской, Л. Врангель, Э. Гликман, М. Покровской, О. Куделинской. Из нее вырисовывается совсем другой Куприн – галантный, серьезный, внимательно-заботливый, лиричный, сентиментальный.

Часть мемуаров, которую условно можно отнести ко второму уровню, наполнена мифами, извлеченными из сознания. Автор, обычно, пересказывает то, что известно от других лиц, в его воспоминаниях фигурируют слухи, легенды. И мемуарист Дон-Аминадо, иронизировавший и над собой, был прав: самый опасный вид рассказчиков – очевидцы. Многие путали свое воображение с памятью, как знаменитый певец Юрий Морфесси, рассказывавший ярко, броско, но путано и неверно.

Преувеличение своей роли в событиях, связанных с купринской жизнью, обнаруживает мемуарист Владимир Унковский, повествование-фантазия которого на тему «я – близкий друг Куприна» представляет собой хоть и вдохновенный, но очевидный вздор и позволяет отнести автора к табуну «зеленых лошадей». Подобное сочинение относится к той категории текстов, которые не просто скомпилированы из воспоминаний и рассказов других авторов, но отличаются откровенной выдумкой и недостоверностью:

Унковский путает Куприна с художником Александром Васильевичем Куприным и приписывает писателю участие в работе советского павильона Всемирной выставки в Париже с живописными полотнами (!?)

Учитывая противоречивость мемуарных текстов, а кроме того восполняя лакуны, составитель сборника «Врут, Как зеленые лошади» счел необходимым компенсировать недостающие сведения введением эпистолярия, литературной критики, документов. Сразу оговоримся: документов не много: Дознание о непристойном поведении поручика Куприна (1915), Документы ЦК ВКП(б) о возвращении Куприна из эмиграции (1937), к документам же отнесем письмо, направленное в МВД членом Государственного совета П.П. Семеновым-Тян-Шанским с просьбой – разрешить проживание «землевладельцу» А.И. Куприну в Балаклаве.

Особенно важен блок материалов, относящихся к периоду 1917-1919 гг. и раскрывающих детали биографии писателя, оказавшегося на грани двух миров. Что нового дают воспоминания очевидца, подписавшегося в 1919 г. псевдонимом «Здравый смысл»? Из них становится ясно: на Куприна современники возлагают надежду как на известную русскую фигуру – традиционно нужен был писатель-проповедник, заступник, который возьмет «знамя защиты русской души из застывших уже рук Леонида Андреева».

Мемуарную часть поддерживают не только посвященные Куприну фрагменты дневников Д.П. Маковицкого, А.Б. Гольденвейзера, Ф.Ф. Фидлера, императора Николая II, великого князя Константина Романова, композитора С.С. Прокофьева, А.К. Гладкова, Н.В. Устрялова, но и адресованные ему письма современников: Д.С. Мережковского, С.М. Городецкого, Дон-Аминадо, С. Черного, В.В. Муйжеля, Б.К. Зайцева, П.Н. Краснова, принца П.П. Ольденбургского, Б.В. Савинкова, Н.А. Тэффи и др. – воссоздающие события и характеризующие писателя и круг его общения.

Письма самого А.И. Куприна к различным корреспондентам (Н.В. Корецкому, В.А. Тихонову, М.Н. Киселеву, Ф.Ф. Фидлеру, В.А. Раппопорту, Д.В. Философову, Б.А. Лазаревскому, Л.Н. Андрееву, М.Ф. Дороновскому, Н.М. Рябухину и др.) дают редкую возможность «услышать» голос и

почувствовать эмоциональный настрой Александра Ивановича в разное время и в разных обстоятельствах. Особенно пронзительно воспринимаются письма к И.А. Арапову 1917-1919 гг., к дочери Ксении 1914-1917 гг., последние письма к тайной любви его – Эсфири Гликман.

Примыкают письма периода эмиграции и «зверской экономии»: издателям и переводчикам М.И. Топичовой и В.Д. Брянскому, друзьям П.А. Нилусу и Б.А. Лазаревскому. В послании М.Л. Гольдштейну вопль души приглушен юмором: «…Оттого и живу в нетопленной квартире и не знаю, чем заплатить доктору… и хожу весь дырявый и ем колбасу. Кстати, если Вам придется когда-нибудь бедствовать, то вот рецепт вареной колбасы: берется колбаса на 1 франк 50 сантимов, картофели две штуки – 15 сантимов. Все это варится в кастрюле. Едят с хлебом, вроде супа… хватает на троих. Но при этом условие: держать себя бодро. Когда спросят, как поживаете (бестактный вопрос), отвечайте: Слава Богу, плохо».

Опубликованные впервые письма позволят исследователям уточнить даты творческой биографии Куприна, расширить круг его знакомых (Б.В. Савинков, А.В. Карташев, М.И. Цветаева, Н.П. Кошиц, С.А. Сорин, Н.Л. Аронсон).

Дополняет сборник художественный текст: та самая скандальная пьеса Н.Н. Ходотова «”Госпожа” Пошлость» (1909), взбудоражившая в свое время и писателя и окружение: в ней находили намеки на семейную жизнь Куприна, узнавали в образе Гаврилы Гаврилова Александра Куприна – пьеса, о которой сегодня слышать – слышали, но мало кто читал. Теперь есть возможность ознакомиться с редким и малодоступным произведением, чтобы не возникало кривотолков.

С целью понять эмоциональное состояние писателя включен памфлет В.В. Князева «Красный трибунал. Дело Куприна», в котором автор бросает в лицо автора «Поединка»: «Куприн – Вы убийца!»

Каждый, даже мелкий мемуарный этюд, при всей субъективно-эмоциональной окраске, дает свою долю истины. Наш совет читателю: не

смотрите пренебрежительно на некоторые небольшие «памятки», «зарубки», «заметки», коротенькие открыточки. «Одно, что имеет смысл записывать – мелочи. Крупное запишут без нас, – заметила в своем дневнике З.Н. Гиппиус.

Воспоминания – единственный источник нашего знания о том, как говорил Куприн, как смеялся, общался с людьми, как работал, какие привычки ему были свойственны. Сопоставляя рассказы, изучая их в связи с другими сохранившимися документами на фоне статей и переписки Куприна, учитывая угол зрения мемуариста (В. Крымова – прототипа азартного циника Корзухина в булгаковском «Беге»; деликатного Н. Рощина; снисходительно-равнодушной З. Гиппиус), мы различаем в нарисованном авторами образе подлинный облик Александра Ивановича Куприна от «наивного и жестокого», «элегантно одетого, с запахом дорогого одеколона», до «пьяного и неопрятного», «едкого, беспощадного… совершенно не умничающего, т.к. знает, что умен», «неукротимого» - до «доброго дядюшки от литературы, чудаковатого, многоопытного, благодушного… склонного чуть ли не все понять и простить». В целом, в мемуарной литературе предстает сложная личность «пегого», «пестрого» русского человека во всем блеске писательской славы и противоречиях.